

Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: комментирование и комментарии

VALENTINA BORISOVA, *M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University*

borisova@ufacom.ru

Received: July 23, 2017.

Accepted: October 14, 2017.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается история и теория комментирования романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», характеризуются комментарии к нему с типологической и функциональной точек зрения; раскрывается соотносительность процедур анализа, интерпретации и собственно комментария, продуктивность их совмещения на конкретных примерах из работ исследователей творчества писателя в XX-XXI вв.; выявляются особенности функционирования «старых» и «новых» изданий его произведения с принципиально различными типами комментаторских пояснений. С одной стороны, это академические издания советского времени, с другой стороны, уникальная книга Г.А. Мейера «Свет в ночи» и комментарии видных российских достоевковедов, среди которых выделяется труд Б.Н. Тихомирова, отличающийся точностью текстологического, реально-исторического, биографического и интертекстуального комментария. Также в статье отмечается переход к новым, по сравнению с советской методологией, принципам комментирования, что привело к показательному возрождению экзегетического подхода к прочтению романа «Преступление и наказание» в работах Т.А. Касаткиной, например; делается вывод о том, что современное увлечение интерпретационным типом комментария как способом освоения и присвоения текста часто приводит к его апроприации; в этой связи подчеркивается перспективность «синтетического» комментария, позволяющего сохранить баланс «концепционных» интерпретаций и текстуальных конкретностей, что подтверждается авторским опытом комментирования эпилога «Преступления и наказания». В результате в определенной степени проблематизируется вопрос о безусловном «воскресении» Раскольникова в открытом финале романа Достоевского.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Преступление и наказание», история комментирования, типология комментариев.

Novel by F.M. Dostoevsky “The Crime and Punishment”: Commentation and Commentaries

ABSTRACT

The present article presents the history and theory of commenting novel «The Crime and punishment» by F. Dostoevsky, characterizes commentaries to this novel from typological and functional points of view; reveals correlation of analysis procedures, interpretation and commentary itself, efficiency of their combination with specific references from the works of the writer’s scholars in the XX-XXI centuries; identifies representation peculiarities of «old» and «new» editions of his works with essentially different types of commentator’s explanations. On the one hand, it is an academic publication of the Soviet period, on the other hand, a unique book by G.A. Meyer «Light at night» and commentaries by prominent Russian Dostoevsky scholars, including the outstanding work by B.N. Tikhomirov remarkable by the precision of textual, realistic-historical, biographic, and intertextual commentary. The article also notes transition to the new, in comparison with the Soviet methodology, principles of commenting that led to indicative «revival» of the exegetical approach to «The Crime and punishment» novel interpretation in T.A. Kasatkina works; for example, it is concluded that modern interest in the interpretative type of commentaries, as the way of text understanding and assumption, often leads to its appropriation; in this regard, it emphasizes prospectivity of «synthetic» commentary, which allows preserving balance of «conceptual» interpretations and textual particularities, as it is evidenced by the author’s experience of commenting on the epilogue of «The Crime and punishment». As a result, it in some degree problematizes the issue of absolute «resurrection» of Raskolnikov in the open end of Dostoevsky’s novel.

Keywords: F.M. Dostoevsky, «The Crime and Punishment», history of commenting, typology of commentaries.

Введение

Комментирование художественного текста и комментариев к нему различаются как процесс и как литературоведческий жанр, или как история научного дискурса и его теория, с точки зрения которой, с одной стороны, можно констатировать достаточно широкую традиционную типологию комментария (от текстологического до концепционного), с другой – его функциональную дихотомичность. Подобная неоднозначность комментария обусловлена его изначальной соотносительностью с герменевтическими процедурами анализа и интерпретации художественного текста, в силу чего время от времени, как показывает литературоведческая практика, возникает неизбежный крен в ту или иную сторону. Хотя в идеале комментарий призван совмещать фактологически конкретные примечания и интерпретационные пояснения, или, другими словами, синтагматику и парадигматику толкования произведения, его «центробежный» и «центростремительный» принципы. Накопленный в отечественном и зарубежном литературоведении XX века большой опыт комментирования романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в этом плане достаточно показателен.

1. Теоретические аспекты комментирования романа «Преступление и наказание».

В данном случае теория комментария – это прежде всего его типология. Типы комментария в отечественном литературоведении в целом и достоевковедении в частности сохраняются в том виде, в каком его определил еще Б.В. Томашевский: это текстологический или редакторский комментарий; историко-литературный комментарий, сосредоточенный на литературном фоне и интертекстуальных переключках автора с предшественниками и современниками; реальный комментарий, направленный на упомянутые в произведении исторические имена, факты, события и т.п.; словарный комментарий к языку и стилю.

Наряду с этим типологическое описание комментария включает в себя и характеристику его функциональной дихотомичности: с одной стороны, он подразумевает разъяснительные примечания к какому-нибудь тексту (например, роман «Преступление и наказание» с комментариями), с другой, представляет собой разнообразные рассуждения, пояснительные и критические замечания о нем.

Так понимал комментарий Ю.М. Лотман, различая, во-первых, текстуальные комментарии как построчные разъяснения и, во-вторых, концепционные примечания как историко-литературные и философские интерпретации, необходимые для адекватного понимания произведения (Лотман, 1995: 472).

В последнее время с теоретико-литературной точки зрения комментарий рассматривается как синтагматическое отражение художественного текста, а примечания как парадигматическое, соответственно дифференцируются комментарий «горизонтальный» или реальный в традиционном словоупотреблении и «вертикальный», обращенный к «реальности в высшем смысле слова». Отсюда примечания – это констатация фактов, а комментарий – исследовательское и читательское «содумание с автором», дополняющие друг друга.

С. Зенкин в этом плане соответственно различает комментирование и «close reading» («пристальное чтение»): «Комментарий – описание, а пристальное чтение – интерпретация. Комментарий нацелен на содержание текста, а пристальное чтение –

на его форму» (Зенкин, 2004: 76).

Думается, что такое совмещение фактических примечаний и развернутых пояснений в комментарии вполне органично и закономерно. В свое время С.С. Аверинцев писал о комментарии как прототипе всех форм филологической работы с художественным текстом, который тяготел в основном к объяснению значений, к глоссариям, толковникам, носил центробежный характер, объясняя отдельные «места» текста порознь (Аверинцев, 1997: 494). Но их переклички и сцепления заставляют естественным образом переходить к толкованию смысла всей цепи выявленных деталей, переходить от части к целому. Поэтому переход от линейного, постраничного комментария к «круговому», «центростремительному» – в принципе, конечно, неизбежен и необходим.

Блестящим образцом сопряжения двух разновидностей комментария является книга Б.Н. Тихомирова «Лазарь! Гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении». Выходя за рамки «индивидуального видения и понимания» романа Достоевского, исследователь стремится «дать читателю по возможности все необходимые сведения, указать на все значимые элементы текста, познакомить с существующими научными подходами к решению тех или иных проблем» и специально подчеркивает методологическую значимость «симбиоза» реального комментария и авторской интерпретации (Тихомиров, 2016: 4).

Б.Н. Тихомиров совершенно справедливо отмечает, что «реальный комментарий оказывается не только фундаментом, но, по сути, первым этапом интерпретации, которая, в свою очередь, не только вырастает на его почве, но и ретроспективно становится своеобразным «оправданием» комментария» (Тихомиров, 2016: 4). Подтверждением этого положения является сама работа ученого, в частности, например, целый ряд его пояснений относительно художественной топографии и художественного календаря в романе «Преступление и наказание».

2. История и современное состояние комментирования романа «Преступление и наказание». Она началась с советских академических изданий, таких как «Литературные памятники», «Литературное наследство» и др., которые соответствовали строгим нормативным требованиям и содержали информацию биографического, историко-литературного, текстологического характера (Достоевский, 1970, Достоевский, 1973). И хотя сегодня эта традиция продолжается в новых изданиях романа в составе современных собраний сочинений писателя, на них уже со всей очевидностью сказалась смена научной парадигмы и мировоззренческой позиции ученых (Достоевский, 2003; Достоевский, 2004; Достоевский, 2007). Особенность нынешней научной ситуации состоит в том, что параллельно функционируют «старые» и «новые» издания произведений Достоевского с принципиально различными типами комментария.

Аналогичным образом концептуально отличаются монографические книги, посвященные роману Достоевского, и самостоятельные комментарии к нему. Уже в середине XX века наметилась резкая полярность его прочтений: с одной стороны, это показательная работа Ф.И. Евнина, опубликованная в сборнике 1959 года «Творчество Достоевского», в которой Соня Мармеладова, например, негативным образом характеризуется как «носительница и воинствующая проповедница христианской идеологии» (Евнин, 1959: 155).

С другой стороны, это уникальная книга Г.А. Мейера «Свет в ночи», представляющая собой опыт «медленного чтения» романа «Преступление и наказание» (Мейер, 1967). На наш взгляд, это один из лучших комментариев произведения Достоевского, относящийся к интерпретационному типу, исключительно целостный по своему духу. Главная идея данного труда – это «метафизика встреч» героев и героинь романа. Их взаимоотношения подчинены своего рода принципу изоморфизма, который, реализуясь на сюжетном, мотивном и психологическом уровнях, выражает, по мнению Г. Мейера, волю Провидения. Как явление научного андеграунда эта книга оказала влияние на целый ряд российских исследователей, чье становление пришлось на последнюю треть XX века. Многие суждения Г. Мейера эхом отозвались в современных комментариях к произведению Достоевского, порой в парафрастической форме.

В 1970-е гг., в связи с 150-летним юбилеем Достоевского, в отечественной науке произошел долгожданный «взрыв»: одна за другой появились не утратившие своего значения и в наше время книги В.Я. Кирпотина, В.В. Кожина, Ю.Ф. Карякина, С.В. Белова, разнородные по своим установкам и приемам комментирования «Преступления и наказания», но объединенные, хотя и в разной степени, пафосом преодоления сугубо социологического прочтения романа (Кирпотин, 1970; Кожин, 1971; Карякин, 1976; Белов, 1979).

Новый поворот в его осмыслении произошел уже в конце XX века: он был ознаменован российским изданием книги К. Мочульского в 1995 году, которая отличается усиленным вниманием к христианской символике романа «Преступление и наказание» (Мочульский, 1995).

Сегодня специальных комментариев, посвященных этому произведению Достоевского – к его слову, отрывку, произведению в целом – очень много. Среди них выделяются собственно научные и научно-популярные комментарии (Белов, 1979; Достоевский, 1984; Степанян, 2014).

Наиболее фундаментальным с академической точки зрения является уже отмеченный труд Б.Н. Тихомирова (Тихомиров, 2016), который носит комплексный, по сути, универсальный характер. Ученый представил полный, практически исчерпывающий комментарий, проведенный на добротной текстологической основе с учетом эволюции замысла произведения, который, как обнаружилось в процессе анализа его творческой истории, в конечном счете не равен автокомментарию в знаменитом письме М. Каткову.

Другие современные комментарии, принадлежащие Т.А. Касаткиной, В.Н. Захарову, К.А. Степаняну, Т.А. Тарасовой, попытавшейся обобщить опыт изучения и интерпретации христианской темы в «Преступлении и наказании» также отличает наряду с символическо-философской и нравственно-религиозной направленностью точность пояснений текстологического, реально-исторического, биографического и интертекстуального характера, хотя и в разной степени (Касаткина, 2005; Касаткина, 2015; Захаров, 2007; Степанян, 2014; Тарасова, 2015). Тем не менее, именно они подготовили фундаментальную основу для издания романа в составе новейшего полного собрания сочинений Достоевского в тридцати пяти томах, которое готовится в Пушкинском доме.

С конца XX – начала XXI века стал очевиден переход к новым, по сравнению с

советской методологией, принципам комментирования текстов Достоевского. Так, в большом труде, вышедшем в ИМЛИ в 2005 году под редакцией Т.А. Касаткиной, «Достоевский: дополнения к комментарию» доминирующими являются принципы экзегетического прочтения романа «Преступление и наказание» (Достоевский. 2005). Судя по всему, это возвращение к древней традиции, поскольку и комментарий, и экзегеза связаны с герменевтикой и критикой текста. Так, предложенные Т.А. Касаткиной уровни истолкования художественного текста: социально-исторический, моральный, аллегорический и символический в принципе соответствуют уровням экзегетики, практикующей в свою очередь историческое (буквальное) и аллегорическое толкование священных текстов.

Правда, в трудах Отцов и Учителей Церкви и позднейших экзегетов говорится, что основные методы экзегезы не исключают, а дополняют друг друга: «Иное в Писании, – замечает святитель Иоанн Златоуст, – должно понимать так, как говорится, а иное в смысле переносном; иное же в двояком смысле: чувственном и духовном» (Беседа на Пс. 46). Точно также преподобный Иоанн Кассиан Римлянин указывал, что толкование Библии «разделяется на две части, т.е. на историческое (буквальное) толкование Священного Писания и его духовное (таинственное) разумение».

Т.А. Касаткина, демонстрируя незаурядное мастерство комментария на всех уровнях, тем не менее, настаивает на том, что наиболее важным для понимания смысла романа Достоевского является именно символический уровень толкования, представленный, в частности, в ее книге «Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского» (Касаткина, 2015) на примере интерпретации всех снов Раскольников и Свидригайлова в контексте христианских идей о взаимоотношении духа и плоти (Касаткина, 2015: 193-213).

Однако, как самокритично отмечают некоторые комментаторы, увлечение интерпретационным типом комментария как способом освоения и присвоения текста может привести к его субъективной апроприации: «Чем более комментарий интерпретационен, тем в большей мере он апроприрует текст. В этом смысле комментарий может выступать как пожирающий основной текст симулякр («копия», не имеющая оригинала в реальности), предложенный интерпретатором» (Комментарий, 2004: 110). К сожалению, подобных вольных интерпретаций в нашей науке тоже немало.

Заключение. Думается, что с учетом всей наглядной истории комментирования художественного текста будущее за его «синтетическим» комментарием, с присущим ему непротиворечивым сочетанием концепционных интерпретаций и текстуальных конкретностей, с выдержанным балансом вариативности и нормативности, позволяющим сохранять приемлемый «спектр адекватности» в толковании текста. Не менее важен и методологический принцип соотносительности герменевтических процедур комментария, анализа текста и его интерпретации, продуктивно реализованный, например, в книге Р. Нойхойзера в приложении к произведениям Достоевского (Neuhäuser, 1993).

Наш опыт комментария к эпилогу романа «Преступление и наказание» также подтверждает необходимость соблюдения в нем «диалектики объективного и субъективного» в работе с художественным текстом. К его объективным факторам, в частности, относятся достаточно четкие маркированные авторские указания

относительно героя, которыми насыщена последняя часть произведения Достоевского.

Так, в самом ее начале задается одновременно «реальная» и символическая точка отсчета во времени: Раскольников находится в остроге 9 месяцев, которые ассоциативно и сюжетно связывают его с матерью. Не случайно после ретроспективного повествования о Раскольникове рассказчик переключается прежде всего на историю Пульхерии Александровны, делая совершенно очевидным прямой хронологический и психологический параллелизм в их сюжетных линиях.

Ср.: «Однажды, поутру, она объявила прямо, что по ее расчетам скоро должен прибыть Родя, что она помнит, как он, прощаясь с нею, сам упоминал, что именно чрез девять месяцев надо ожидать его. После тревожного дня, проведенного в непрерывных фантазиях, в радостных грезах и слезах, в ночь она заболела и наутро была уже в жару и в бреду. Открылась горячка. Чрез две недели она умерла» <Выделено нами. – В.Б.> (Достоевский, 1973:414). Это начало мая 1867 года. В данном случае мы исходим из той внутренней хронологии романа «Преступление и наказание», которая предельно точно и убедительно прокомментирована Б.Н. Тихомировым с учетом особенностей соотношения реального и художественного времени в произведении (Тихомиров, 2016: 510-511).

«Вдруг, в последнем письме, Соня написала, что он < Раскольников> заболел весьма серьезно и лежит в госпитале, в арестантской палате...» (Достоевский, 1973: 416), тоже в жару и бреду. Также имеется в виду конец апреля – начало мая 1867 года: именно в это время Раскольников «доходит» до порога будущего воскресения, трагически оплаченного смертью матери.

Другая особенность романного текста Достоевского – это, по словам М.М. Бахтина, «условно-монологический» характер повествования, в котором речь автора-повествователя сочетается с косвенной и несобственно-прямой, внутренней речью героя. В результате между «всезнающим автором» и героем, еще не вполне прозревшим, обнаруживается модальный зазор. И хотя на последних страницах романа крещендо звучит мотив воскресения, автор-повествователь, в отличие от героя, переживающего катарсис, весьма осторожно высказывается по поводу «будущего перелома в жизни его, будущего воскресения его, будущего нового взгляда на жизнь» (Достоевский, 1973: 418), подчеркивая свою позицию ритмическим построением фразы, которое в данном случае дополняется еще и лексико-синтаксическим параллелизмом. Здесь, на наш взгляд, художественная риторика автора обнажает его идейную позицию по отношению к герою.

Все это, на наш взгляд, в определенной степени проблематизирует вопрос о безусловном духовном воскресении Родиона Раскольникова в финале романа, которое сегодня признает большинство отечественных исследователей. Действительно, герой видит «новое небо и новую землю», но эта картина дана в проекции его восприятия <курсив наш. – В.Б.>. Автор же снова предупреждает: «Он даже и не знал того, что новая жизнь не даром же ему достается, что ее надо еще дорого купить, заплатить за нее великим, будущим подвигом...» (Достоевский, 1973: 422). Здесь опять особое значение приобретает лексическая антитеза («не даром» и «дорого») наряду с настойчивым повтором эпитета «будущий».

Поэтому финал романа «Преступление и наказание» – открытый: «Но тут уж

начинается новая история, история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с новой, доселе совершенно неведомою действительностью. Это могло бы составить тему нового рассказа, – но теперешний рассказ наш окончен» (Достоевский, 1973: 422).

Так писатель связал романы «Преступление и наказание» и «Идиот». Однако, как известно, работа Достоевского над вторым романом из великого «пятикнижия» не подтвердила возможность постепенного обновления и перерождения героя. От замысла наглядно показать, как «идиот» превращается в «положительно прекрасного человека», автор решительно отказался, сразу явив миру «князя Христа». Раскольникову же до него еще далеко.

REFERENCES

- Аверинцев, С.С. (1997). Филология. *Культурология. XX век*. Словарь. Т. 1. Санкт-Петербург, 494-505.
- Белов, С.В. (1979). Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». *Комментарий*. Книга для учителя. Москва: Просвещение.
- Достоевский, Ф.М. (1970). Преступление и наказание. *Серия «Литературные памятники»*. Подготовка текста и комментарии Г.Ф. Коган и Л.Д. Опульской. Москва: Наука.
- Достоевский, Ф.М. (1973). Преступление и наказание. *Ф.М. Достоевский Полное собрание сочинений*: В 30 т. Тт. 6, 7. Ленинград: Наука.
- Достоевский, Ф.М. (1984). *Преступление и наказание. Книга для чтения с комментарием (автор комментария В.И. Этов)*. Москва: Русский язык.
- Достоевский, Ф.М. (2003). Преступление и наказание. *Ф.М. Достоевский Собрание сочинений*: В 9 т. Т. 3 (комментарий и примечания Т.А. Касаткиной). Москва: Астрель.
- Достоевский, Ф.М. (2004). Преступление и наказание. *Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений*: В 18 т., т.7 (статья В.Н. Захарова, комментарии Б.Н. Тихомирова). Москва: Воскресенье.
- Достоевский, Ф.М. (2007). Преступление и наказание. *Ф.М. Достоевский Полное собрание сочинений*: В 42 т. Канонические тексты. Издание в авторской орфографии и пунктуации, т.7 (статья В.Н. Захарова, комментарии Б.Н. Тихомирова). Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета.
- Евнин, Ф.И. (1959). Роман «Преступление и наказание». *Творчество Ф.М. Достоевского*. Сборник статей. Москва: Издательство Академии наук СССР, 215-264.
- Зенкин, С.Н. (2004). Комментарий и его двойник. *Новое литературное обозрение*. № 2 (66), 75-81.
- Касаткина, Т.А. (2005). Воскрешение Лазаря: опыт экзегетического прочтения романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». *Достоевский: дополнения к комментарию*. Москва: Наука, 203-236.
- Касаткина, Т.А. (2015). *Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях*

- Ф.М. Достоевского*. Москва: Издательство ИМЛИ РАН.
- «Преступление и наказание»: некоторые итоги и новые проблемы комментирования романа на рубеже XX-XXI веков. *Достоевский: дополнения к комментарию*. Москва: Издательство ИМЛИ РАН, 49-297.
- Карякин, Ю.Ф. (1976). *Самообман Раскольникова (Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»)*. Москва: Художественная литература.
- Кирпотин, В.Я. (1970). *Разочарование и крушение Родиона Раскольникова*. Москва: Художественная литература.
- Кожин, В.В. (1971). «Преступление и наказание» Достоевского. *Три шедевра русской классики*. Москва: Художественная литература.
- Комментарий: блеск и нищета жанра в современную эпоху (2004). (Стенограмма «круглого стола» в рамках XI Лотмановских чтений. Москва, РГГУ, 20 декабря 2003 г.). *Новое литературное обозрение*, № 2 (66), 103-120.
- Лотман, Ю.М. (1995). *Пушкин*. Санкт-Петербург: Искусство.
- Мейер, Г. (1967). *Свет в ночи (о «Преступлении и наказании»)*. Опыт медленного чтения. Франкфурт-на-Майне: Посев.
- Мочульский, К.М. (1995). «Преступление и наказание». В: К.М. Мочульский (ред.), *Гоголь. Соловьев. Достоевский*. Москва: Республика.
- Степанян, К.А. (2014). *Путеводитель по роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»*. Москва: Издательство Московского университета.
- Тарасова, Н.А. (2015). *Христианская тема в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»*. Проблемы изучения. Москва: Квадрига.
- Тихомиров, Б.Н. (2016). «Лазарь! Гряди вон». *Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении*. Книга-комментарий. Санкт-Петербург: Серебряный век.
- Neuhäuser, R.F. (1993). *M. Dostojewskij: Die grossen Romane und Erzählungen. Interpretationen und Analysen*. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag.